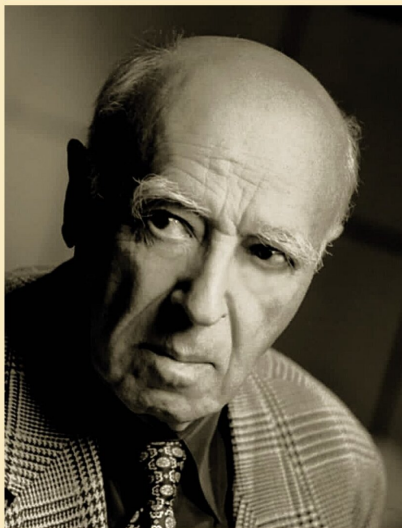

ВЛАДИМИР ЭТУШ

ЕЛЕНА ЭТУШ

*Зеркало
Полынь*

*Каждая роль —
это гость меня.*

По жанру мне ближе комедия. Но это не значит, что люблю все свои роли. Это как женщины: их может быть много, но не все они любимые.

Я не должен быть похожим на Окасмова, или на Саахова, или на Карабаса-Барабаса. Мое дело — правдиво и естественно перевоплотиться в них.

Со мной часто разговаривают моими фразами из «Кавказской пленницы», ставшими крылатыми: «пляну сними», «садись пока», «горячий, совсем белый» и так далее.

Старый знакомый

Елена Евгеньевна Этуш
Владимир Этуш
Владимир Этуш.
Старый знакомый
Серия «Зеркало памяти»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68348840

Елена Евгеньевна Этуш. Владимир Этуш. Старый знакомый:

Издательство АСТ: Кладезь; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-149292-2

Аннотация

В этой книге собраны размышления Владимира Этуша о своей жизни, войне, театре, кино, а также воспоминания его коллег и учеников: у каждого из них тоже есть своя история о нем. Много из этого увидело свет впервые. Наконец полностью опубликован фронтовой дневник Владимира Абрамовича, один из ярких документов эпохи, рассказывающий о Великой Отечественной войне. Актер, фронтовик, педагог... вот такой он, наш старый знакомый.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вместо предисловия	6
Автобиография	12
Владимир Этуш. Детство и юность	14
Владимир Этуш. Война	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Этуш Владимир Этуш. Старый знакомый

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

В оформлении книги использованы фотографии *Валерия Якова, Музы Со, Андрея Маленкова, Юлии Губиной, Александры Дубровской, Дмитрия Кувшинова, Натальи Зиганшиной, В. И. Ковальского, Валерия Мясникова*, а также фотографии из личного архива *Елены Этуш* и музея Государственного академического театра им. *Евг. Вахтангова*.

В оформлении обложки использована фотография *Дмитрия Кувшинова*

© Е. Этуш, 2022

© Коллектив авторов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Владимир Абрамович Этуш – народный артист СССР, хранитель традиций вахтанговской школы, выдающийся педагог. Человек непростой судьбы, фронтовик, прошедший пекло войны, в кино Этуш часто выступал в комедийных ролях. Имена его обаятельных злодеев и невезучих жуликов из фильмов «Приключения Буратино», «Кавказская пленница», «Иван Васильевич меняет профессию» и «12 стульев» давно стали нарицательными и вошли в народный фольклор.

Вместо предисловия

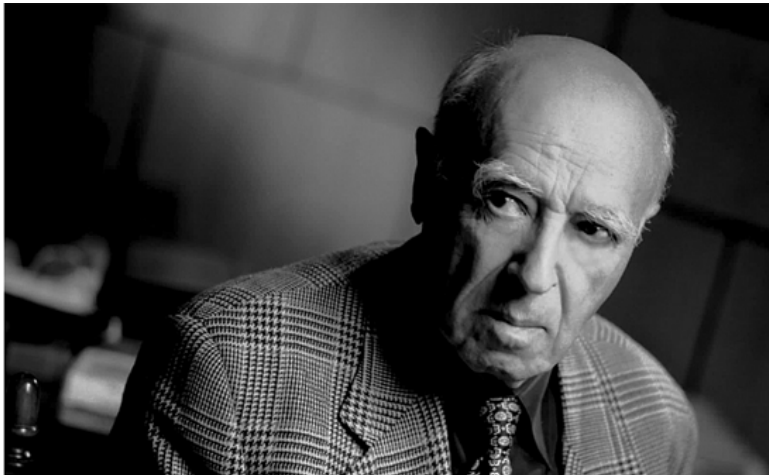
Елена Этуш, вдова Владимира Этуша

Когда не стало Владимира Абрамовича, многие друзья мои, как реальные, так и виртуальные, стали наперебой мне советовать: «Напиши книгу. Ты отвлечешься от тяжелых мыслей, и тебе будет хоть немного легче». Я поначалу категорически отказывалась: все книги подобного рода, на мой взгляд, не о человеке, о котором пишут, а о себе любимом. Но спустя время, когда я снова и снова возвращалась к этой мысли, пришло понимание: это должна быть книга воспоминаний, но не только и не столько моих, а тех людей, которые были рядом с Владимиром Абрамовичем всю его долгую и насыщенную событиями жизнь. Так родилась книга «Наш Этуш», которая была сделана благодаря поддержке родного Театра Вахтангова, которому Владимир Абрамович отдал всю свою жизнь. Книга вышла, она удалась. Казалось бы, на этом и все. Но приближалось столетие Владимира Абрамовича. А сто лет – это, как говорится, не кот чихнул. И я подумала: чтобы рассказать о такой глыбе, как Этуш, не то что одной – сотни книг мало. На сотню меня, конечно, не хватит, но хотя бы еще одну я написать просто обязана.

Я поняла, что нужно собрать по крупицам из разных источников его размышления о своей жизни, войне, театре, кино – в общем, то, что не было издано. Ведь много материалов еще не увидело свет. Кроме того, после издания книги «Наш Этуш» оказалось, что у многих из его коллег и учеников тоже есть своя история, связанная с Этушем и не вошедшая в первую книгу. А началу идеи новой книги положил Константин Райкин. Он не успел написать свою историю к выходу первой книги. Таким образом, именно его рассказ и стал краеугольным камнем нашего повествования. И до сих пор не была полностью опубликована фронтовая книжка Владимира Абрамовича. А это очень важный документ – маленькая частица из рассказов фронтовиков о Великой Отечественной войне.

Во время работы над книгой случилось чудо – по-другому и не назовешь. В одном из ящиков книжного шкафа мне среди бумаг попала папка с дневниками и записками Владимира Абрамовича. Как будто лежала и ждала своего часа. В этой папке также нашлись письма его боевого командира, болгарина Янко Митева. Среди писем была и фотография Митева, сделанная уже после войны. А еще в этой чудесной папке оказалось письмо его боевого товарища, в котором описаны бои за Аксайскую переправу. А ведь до сих пор у нас было только письмо Дины Гурвич. Таким образом, мы собрали то, что еще не было издано, и представили это на суд читателя.

Фотография, которую вы, дорогой читатель, видите на обложке нашей книги, тоже попала сюда не простым, а чудесным путем. Первый канал перед столетним юбилеем Владимира Абрамовича начал готовить документальный фильм. И первая съемка фильма должна была состояться в Театральном институте имени Бориса Щукина, которому, как и Театру Вахтангова, Владимир Абрамович отдал всю свою жизнь. И вот по дороге в институт оператор съемочной группы Дмитрий Кувшинов вдруг вспомнил, что еще в 2000 году снимал Владимира Абрамовича там же и сделал прекрасную фотографию. Но обещания отдать эту фотографию Владимиру Абрамовичу он тогда не сдержал. И вот спустя 22 года он обещание выполнил. Владимир Абрамович получил свою фотографию. На обложку.

**Бастрыкин Александр Иванович,
председатель Следственного
комитета Российской Федерации,**

генерал юстиции Российской Федерации

Уважаемые друзья!

Исполнился вековой юбилей Владимиру Абрамовичу
Этушу!

Книга, которую Вы держите в руках, позволяет нам еще раз вспомнить Владимира Абрамовича, его жизнь, судьбу, роли. Он по праву принадлежит к плеяде всенародно любимых и почитаемых актеров, которыми гордится Россия. Через фронтовые дороги, через всю свою жизнь он пронес веру в высокие идеалы патриотизма, мужества, верности долгу, при этом сохранив в себе поразительную нравственную чистоту и большую любовь к жизни, театру, своим многочисленным ученикам.

У него была долгая и трудная жизнь. Боевой офицер, участник Великой Отечественной войны, защитник Кавказа, получивший тяжелое ранение. Он раскрыл свой талант на сцене Театра имени Вахтангова, которому был предан до конца жизни. Человек большого внутреннего достоинства и такой же большой скромности.

Я очень рад, что знал его лично и что последние годы жизни Владимира Абрамовича были связаны со Следственным комитетом Российской Федерации. Он вошел в наш Общественный совет и, несмотря на почтенный возраст, состоял в нем не формально, а всегда в готовности приехать, выступить перед сотрудниками, дать спектакль.

Его имя теперь неразрывно связано с историей Следственного комитета. Спасибо ему за прекрасные минуты, которые мы пережили, встречаясь с ним.

Теперь это уже история. И я рад, что наши сотрудники, ка-

дети, студенты имели возможность познакомиться с творчеством народного артиста СССР Владимира Абрамовича Этуша – великого актера, гражданина и человека.

Книга, изданная к его столетнему юбилею, лишь малая дань памяти Владимиру Абрамовичу. Его жизнь и принципы, которыми он руководствовался, должны стать ориентиром для сегодняшних следователей Следственного Комитета Российской Федерации, для всей нашей молодежи.

Автобиография

Я, Этуш Владимир Абрамович, родился 6 мая 1923 года в Москве в семье служащих. В 1940 году окончил среднюю школу-десятилетку и в том же году поступил в Училище имени Щукина, где учился, сотрудничая в Театре имени Вахтангова до 1941 года (до начала войны).

В июле 1941 года вместе с молодежью училища и театра уехал на сооружение оборонительных рубежей в Смоленскую область, где проработал землекопом до сентября.

В октябре 1941 года, возвратившись в Москву, я вступил добровольцем в Советскую армию. После пятимесячного обучения на курсах переводчиков при институте иностранных языков Советской армии я был направлен на фронт переводчиком.

Был в действующей армии на Четвертом Украинском фронте сначала переводчиком, затем помощником начальника штаба стрелкового полка.

В октябре 1943 года был тяжело ранен, и в 1944 году демобилизован из армии как инвалид Отечественной войны, и после очередного переосвидетельствования снят с военного учета.

За время службы в армии был награжден Орденом Красной звезды и медалями.

В 1943 году в армии я вступил в кандидаты в члены

КПСС, а в 1946 году стал членом КПСС.

Демобилизовавшись, я продолжал свое образование в училище, а в 1945 году окончил его и был принят в театр, где работаю по настоящее время. Работу в театре я совмещаю с преподавательской работой в училище.

Я под судом и следствием не был, на оккупированной территории не проживал, в плену и окружении также не был.

Я женат, имею дочь восьми месяцев. Мать моя умерла в 1954 году. Отец мой жив, работает коммерческим директором фабрики.

Мой отец в 1932 году был арестован по доносу, что якобы у него есть золото. Золота у него не оказалось, тем не менее он получил срок 3 года, который и отбыл. В 1937 году он снова был арестован и сослан без предъявления обвинения. В 1939 году был досрочно освобожден за прекращением дела. С тех пор живет и работает в Москве. Избирательных прав не лишался.

10.05.1956 года

Владимир Этуш. Детство и юность

Первый раз я появился на свет 6 мая 1922 года. А второй раз – год спустя, но опять 6 мая. В чем тут подвох?

Мои родители убавили мне год и справили новые документы. В то время, когда я родился, было принято делать мальчиков младше как минимум на год, чтобы к армии ребенок подрос и окреп. Так поступили и мои родители. Я родился в 1922 году, а в документах мне записали 1923-й.

Потом, когда я захотел вернуть себе «правильный» год рождения, оказалось, что мои старые документы утеряны. Вот и получается, что свои юбилеи я отмечаю дважды – по «старому» и по «новому» стилю. Но официальные торжества и приуроченные к ним премьеры спектаклей все же по дате рождения, записанной в паспорте.

Но мысли под стук колес неспешного поезда моей памяти сами возвращают меня в детство.

Я очень хорошо помню наш шумный двор: в большинстве своем он был населен мелким служивым и рабочим людом, где наша семья выделялась, прежде всего, по национальному признаку.

Обычные работяги – простые, пьющие – жили рядом со мной, бок о бок – сами понимаете, что я мог, подросток, видеть и слышать, и мальчишки – почти мои одноклассники – бы-

ли такие, что некоторые даже не хотели учиться. До сих пор помню Гришу Хаимова, был еще Коля, которого называли Колюшка-буруз, хорошо помню драчливых братьев Лебедевых. Одного из них все называли Бычок. Однажды я тоже рискнул его так назвать и схлопотал за это «леща». Так или иначе, люди, окружавшие меня, были разные – и доброжелательные, и ненавидящие, и равнодушные. Любили мы душевные беседы вести, сидя на скамейке под двумя липами – а над ней была протянута веревка для сушки белья. И когда белья не было, можно было посидеть, побеседовать с кем-нибудь интересным, разговорчивым. И был у нас там такой дядя Миша Поляков, работал банщиком и очень любил «покалякать» о том о сем... Своим глубокомыслием и нелепейшими высказываниями невпопад он напоминал некоторых персонажей юмористических рассказов Чехова. Собирал дядя Миша нас, мальчишек, на этой скамейке и начинал разговоры разговаривать. Нравился ему сам процесс – поучать, открывать истину. Евреев дядя Миша, мягко говоря, недолюбливал и всегда нам рассказывал про них всякие нелестные истории. Я его как-то поддел, говорю:

– Эйнштейн же тоже еврей, а теорию относительности вот изобрел!

Моя реплика дядю Мишу ничуть не смутила, и он со всей невозмутимостью мне парировал:

– Эйнштейн в Америку уехал, значит, он американец! А евреи что могут изобрести – гуталин разве...

Мне очень было обидно за евреев, и я уходил, огорченный тем, что, по словам дяди Миши, они, кроме гуталина, ничего изобрести не могут. И вообще, кстати сказать, слово «жид» у нас во дворе ругательным не считалось. Употребляли его все и в любых ситуациях. Это было нормой.

В детстве я и моя сестра Лида были окружены вниманием родителей. Мама занималась домом. Нашу семью обеспечивал отец, у которого была небольшая галантерейная мастерская. Когда отца арестовали, мама пошла работать кассиром. Потом отца выпустили и даже оплатили вынужденный простой в работе.

В детстве я мучил домашних своими рассказами и сажал их, чтобы они смотрели. Потом мне подарили какую-то лошадь, довольно большую и с настоящей шкурой. И я ее ставил, потом брал стул, переворачивал, брал другой стул, тоже переворачивал, потом садился позади этой лошади, а за мной – бабушка и мама. Я был извозчиком, я все слышал, как надо гнать лошадь, издавал эти звуки. И вдруг бабушка меня поцеловала в макушку. Я страшно обиделся и огорчился: извозчиков ведь никто не целует. Вот это ощущение правды обстоятельств у меня с детства было. Такое актерское ощущение.

Папа все время жил в Белоруссии, потом приехал сюда перед войной 1914 года и привез сюда маму, которая жила в Украине и к тому времени окончила три курса медицин-

ского института. Потом папу периодически сажали, и этот комплекс во мне тоже сидел. Я себя чувствовал все время сыном врага народа. У меня был такой случай, когда я отвечал по литературе тему – точку зрения Ленина на роман Гончарова «Обломов». Я был в 9 классе и спокойно сказал. Он спокойно меня дослушал. Педагог по литературе. Потом говорит: «Вот вы высказали точку зрения Бухарина, это был 1939 год, его только расстреляли». Я говорю: «Да?» Он говорит: «Да». Но со следующего урока меня вызвал директор – маленький человек в черном костюме, с такими болтающимися рукавами, с глазками-гвоздиками, глубоко сидящими, но пронзающими тебя насквозь, и начал спрашивать: «Кто ваши родители? А за что отец арестован?» Я говорю: «Я не знаю». «Как не знаете? Вы же живете в семье». «Да, я живу в семье. Но я думаю, что даже сам папа не знает», – отвечаю я. А потом так и оказалось, потому что ему выплатили зарплату за 3 года, которые он сидел. Директор говорит: «Ну, что же мне делать? Звонить в НКВД?» И тянет руку к телефону. Многие молодые не понимают, как мы могли терпеть все то, что происходило. Почему был такой страх. Объяснить это невозможно. Но вот через такой пример хотя бы. Я думаю, что вся моя биография говорит о том, что я не трус. Я сам пошел на войну, сам в 90-е годы отказался от Ордена Дружбы народов, потому что к этому моменту дружбы никакой между народами не было. Публично, по телевизору отказался, и никто меня не преследовал за это. Ну, и так далее... Но

здесь я струсил... Не за себя. Я в тот момент подумал о маме. Я подумал о том, что отец сидит и сейчас у нее сын будет сидеть. Я его начал просить: «Дяденька, не звоните, пожалуйста». Он не позвонил, но он меня пугал. Вот такая история.

Книги... У любого актера должно быть много книг. Они обогащают внутренний мир человека, очень. Литература вообще помогает нам понять себя и найти свое место в жизни, мире, найти себя. Понять, наконец, а что ты есть такое. Оценить все, что ты собой представляешь. Вернуть то, в чем твоя суть. Книги дарят мне меня. Разного. Когда ты не понимаешь что-то о себе – открываешь книгу на любимой странице и получаешь ответы на вопросы, которые тебя волнуют. Не все ответы...

В детстве я любил посидеть с книжкой и порою не замечал, как быстро проходило время. Читал я много и вздохнул. Почему-то начал с Чехова, очень увлекался рассказами Антоши Чехонте. А вот пьесы мне совсем не нравились, я их читал с неохотой. И до сих пор трудно читаю пьесы. Исключение составляет Александр Николаевич Островский. У него настолько яркие, колоритные образы, что даже читать интересно, не то что смотреть.

Я прочел всего Пушкина, всего Лермонтова, учил наизусть «Мцыри», переживал вместе с героями «Войны и мира». В общем, перечитал практически всю русскую классику. Знал чуть ли не наизусть многих западных писателей. Очень увлекался Конан Дойлем. «Приключения Бригадира Этье-

на Жерара» перечитывал много раз. Помимо замечательно-го юмора и иронии, меня там привлекало и то, что действие происходит в 1812 году. У одного моего родственника была коллекция наполеоновских открыток: Наполеон в разных видах, эпизоды сражений, наполеоновские маршалы. В сочетании с произведениями литературы в моем воображении складывалась довольно понятная для меня картина наполеоновской эпохи.

Театр рос во мне исподволь. Сначала неосознанно, в раннем детстве, благодаря влиянию бабушки: она очень образно и колоритно рассказывала мне, еще маленькому, разные детские сказки и истории. А первые серьезные мысли о театре возникли у меня в 8 классе, когда я начал заниматься в школьной самодеятельности под руководством бывшего профессионального актера Театра Корша, Павла Тихоновича Свищева. Это был невысокий, коротко стриженный человек, с лучистыми светлыми глазами и пронзительным взглядом. Павел Тихонович был первым человеком, от которого я узнал о существовании некоторых актерских навыков.

Я очень привязался к нему и старался как можно больше понять о театре. Я являлся для него очень послушным исполнителем, которого можно было безбоязненно занимать среди взрослых исполнителей в спектаклях «профсоюзной самодеятельной сцены», где он подвизался в качестве постановщика. Человек он был одинокий, и мы сдружились. Свищев мне рассказывал о своем разочаровании театром. Од-

нако наш общий знакомый кинорежиссер Граник рассказал мне как-то, что не раз привлекал Павла Тихоновича к съемкам, но все безрезультатно – тот ничего не мог толком сыграть.

Ближе к концу школьного обучения я использовал любую возможность приобщиться к прекрасному миру театра. С моими товарищами мы не упускали возможности посетить Дом актера.

Ходили мы частенько и на мероприятия в Центральный Дом работников искусств (ЦДРИ). Он был закрыт для свободного посещения, и я попадал туда благодаря Толе Арканову, сыну замдиректора Большого театра. Иногда проходил и самостоятельно, каким-нибудь хитрым способом. Например, однажды я узнал телефон Бориса Михайловича Филиппова, директора ЦДРИ, набрался смелости (или нахальства), позвонил ему и сказал: «Борис Михайлович, здравствуйте, это говорит Толя Арканов. Можно мне сегодня прийти к вам?» Он, не разгадав подвоха, разрешил и оставил на проходной пропуск.

Кроме того, я старался не пропускать ни одного выступления Ираклия Луарсабовича Андроникова, который выступал не только как литературовед, но и как удивительно яркий и выразительный рассказчик со своими знаменитыми устными рассказами и историями, в которых было очень много национального колорита. Он был грузином. А что такое первый импульс у артиста или художника? Увидеть. А потом

воспроизвести. Вот я и старался воспроизвести акцент Андрионикова и, много позже, был вознагражден за это. Во время войны я общался с людьми Кавказа, женился на женщине из Баку, где тоже общался с местными жителями. И в конце концов выработал в себе способность воспроизводить кавказский акцент, различая грузинский, армянский, азербайджанский. Уже после того, как я снялся в фильме «Кавказская пленница», случилось мне возвращаться как-то из Ленинграда. А в соседнем купе ехал – кто бы вы думали? – Ираклий Луарсабович. Мы с ним разговорились, и он сделал мне комплимент, сказав, что кавказский акцент я воспроизвожу очень точно. А я ему в ответ: «А знаете, начало положили вы. До войны я ездил за вами следом по всем площадкам, где вы выступали. А потом имитировал вас на своих выступлениях». Он был очень удивлен и польщен.

Сколько помню свое детство, меня постоянно учили немецкому языку. Когда мне было 6 лет, отдали в немецкую группу, где с детьми занималась немка Эльза. Благодаря этим занятиям с большим трудом я какие-то знания получил, а когда началась война – окончил курсы военных переводчиков и пошел добровольцем на фронт. Кстати, наш полк был сформирован в Армении. В нем был настоящий интернационал: грузины, армяне, азербайджанцы. Так что кавказскому акценту «товарища Саахова» я научился еще на войне, а в мирной жизни он мне пригодился в профессии...

Владимир Этуш. Война

Я видел самое начало войны. В пять часов утра 22 июня 1941 года я шел по улице Горького и, проходя мимо Манежа, увидел большой автомобиль под германским флагом, который пересекал Манежную площадь. Я не придавал этому особого значения. Вернулся домой, лег спать, и, когда я проснулся в двенадцать часов, мама меня разбудила и сказала: «Сынок, война началась!» Никогда больше, даже в самые отчаянные мгновения на фронте, мне не было так страшно. А она стояла и в ужасе смотрела, как меня трясет крупной дрожью, белая рубашка ходуном ходила у меня на груди.

Я мог не пойти на фронт. Но не мог и не пойти. Такой вот парадокс. Сначала я тушил с другими студентами бомбы-зажигалки, которые сбрасывали на город. Потом был отправлен рыть окопы под Вязьму. И мы там провели три месяца. В Москву я вернулся совсем другим. И Москва уже была другой – с окнами, заклеенными лентами, со светомаскировкой, с тревогой в лицах...

22 июня – Война.

30 июня – Выезжаю работать по спецзаданию правительства. На Киевском вокзале масса народу – все наш брат, студент. Садимся в тяжелые вагоны и едем.

26 сентября – Приказ правительства – всем студентам возвратиться на старые места учебы. Долго

колебался и все-таки решился ехать.

28 сентября – Вечером приехали в Москву. Взял такси, приехал домой. Отец знал, что я должен приехать, но в этот момент не ждал меня. Помню, как голодный волчонок, набросился на хлеб, колбасу и чай и начал «убежденно» рассказывать про «ужасы» пережитой мной войны¹.

1 октября 1941 года, выйдя на сцену – как студент первого курса я был обязан участвовать в массовых сценах, – я не обнаружил зрителя. Шел массовый спектакль, на сцене был почти весь состав театра и училища, а в зрительном зале с трудом насчитал 13 человек. Это обстоятельство изменило мою судьбу на некоторое время – на следующий день я ушел в армию.

1942 год

19 февраля выезжаю с курсов военных переводчиков – из Ставрополя лошадами до Куйбышева, из Куйбышева до Москвы – поездом (если бы ехали лошадами, было бы быстрее, наверное).

Приехали в Москву под вечер. Я поехал на Вузовский и точно там застал папу. Пошли домой. Положение с продуктами очень плохое – кушать абсолютно нечего.

Из Москвы выехал, кажется, 19 марта, на шестой день был в Армавире.

¹ Здесь и далее по ходу главы подобным шрифтом выделены фрагменты из военного дневника В. Этуша. – *Прим. ред.*

27 марта. После сорокавосемичасовой волокиты вручили предписание переводчиком второго разряда в 828сп 197 сд. Пришел туда, встретился с Рыловым. Два месяца жил замечательно.

27 мая получил предписание в 70 УР (здесь жизнь тоже хорошая).

В мае 1942-го младшим лейтенантом был назначен в 70-й УР, который оборонял Ростов. Я помню Ростов того времени и Аксай, где находился наш штаб. Я помню мрачные дни отступления, длинный путь (пешком, заметьте) через весь Кавказ, затем обратный путь – освобождение Кавказа, и что может быть счастливее для солдатской судьбы, чем брать тот город, который ты вынужден был оставить?

Итак, вскоре меня назначили заместителем начальника отдела разведки 70 УР, который должен был оборонять Ростов. Пока война шла далеко от Ростова, жизнь у меня была, если можно так сказать, относительно вольной. А через месяц после моего прибытия немцы прорвали Воронежский фронт, и вся лавина наших отступающих армий двинулась через нас на Кавказ по единственному мосту, который находился как раз в расположении нашей части.

Поначалу наступающие немецкие части были еще далеко, и мы переправляли только в ночное время суток – опасались авиации. А днем техника сосредоточивалась в перелесках, маскировалась в кустах, в каких-то естественных укрытиях. Ночью же заводились моторы, и вся эта нескончаемая гудя-

щая вереница машин и техники выезжала на мост. Когда же техники скопилось такое количество, что уже невозможно было ждать, начали переправляться и днем.

Меня назначили комендантом этого моста, и я должен был следить за тем, чтобы переправа осуществлялась настолько возможно быстрее. Где-то нужно было остановить этот поток, потом, когда хоть немного места освобождалось, пропустить новую партию переправляющейся техники, людей, раненых. И я все время находился на мосту. И правильно делал. Потому что немцы бомбили переправу непрерывно. Но у нас была очень сильная зенитная охрана, и самолеты противника низко опускаться боялись. Бомбы рвались повсюду, но в мост не попадали.

Спустя много лет, когда я уже стал довольно известным артистом, на адрес театра пришло письмо от участницы той переправы – Д. И. Гурвич. Вот что она пишет об Аксайской переправе 1942 года:

«Уважаемый товарищ Владимир Этуш!

Только вчера я узнала о том, что мне привелось видеть Вас в роли, в которой не видел Вас никто из Ваших товарищей по искусству. Между тем роль эта была сыграна блистательно. И все те тысячи людей, которые видели Вас в этой роли, несомненно, Вас никогда не забудут. Жаль только, что этих зрителей теперь осталось не так уж много, и мало кто из них связывает роль “коменданта моста” на Аксае с именем

великолепного артиста Владимира Этуша.

Именно поэтому я употребила слово “пришлось”, а не “посчастливилось”. Слишком далеко было то время от счастья.

Не знаю, помните ли Вы некоторые детали того дня. Он начался вроде бы спокойно, хотя вдали стояло зарево над Ростовом. Я в то время была санинструктором 974 с. п. Мы спокойно разместили раненых, нормально работали. И вдруг кто-то пустил “утку”, что союзники открыли второй фронт. Мы собрались на площади, радовались, митинговали. И вдруг – немцы. И вслед за этим – эта кошмарная переправа.

Вы знаете, что в самые трагические минуты сознание нередко выделяет какую-то отдельную, может быть, и незначительную деталь. Таких вспышек памяти у меня было несколько. Но самой яркой, запомнившейся до последней черточки, была фигура молодого лейтенанта на мосту. И запомнилась именно благодаря своей значительности.

В хаосе переправы это была организующая сила, это была надежда, это было разумное начало, которому следовало подчиняться.

Был лейтенант очень молод, очень гибок. Казалось, он один не потерял самообладания (очевидно, так оно и было). В нем чувствовалась уверенность в себе и ВЛАСТЬ, которой хотелось подчиняться. В этом подчинении было спасение.

Вы, мне кажется, были на каком-то возвышении – на гру-

зовике или на перилах моста, – во всяком случае, Вы всем были видны. Вы кричали, приказывали – и голос Ваш был слышен. Теперь я понимаю, что он был по-актерски хорошо поставлен. Вы не только грозили револьвером, вы стреляли, особенно после того, как все-таки сорвали голос, охрипли, а внимание надо было привлечь. Помню высоко поднятую над головой руку с пистолетом. Тогда не время было любоваться, но потом в памяти отстоялась красивая, гордая, я бы даже сказала, какая-то плакатная поза и манера поведения.

Теперь я понимаю, что грузный полковник, который дал Вам это немыслимое задание, был умен и проницателен: он увидел в Вас не только мужественного человека, но и чутьем угадал профессионального актера, умеющего “подать себя”, привлечь к себе всеобщее внимание, заставить себя слышать, видеть и подчиняться. Он увидел в Вас властителя, то есть понял именно те черты, которые уже в то время Вам (наверное, двадцатилетнему) дала профессиональная выучка. И не надо винить в чем-либо этого толстого и, наверное, немолодого полковника, который в лучшем случае мог бы только героически погибнуть. Лучше восхитимся его проницательностью, которая помогла ему из многотысячной толпы выделить самую яркую и романтическую фигуру и поручить свое задание.

С этой переправы начался самый драматический этап нашего отступления 1942 года. В придонской степи мне не раз приходилось встречаться с людьми, видевшими “комендан-

та переправы” (так почему-то все Вас называли). Одни говорили, что Вы погибли при взрыве моста, другие – что застрелились, чтобы не попасть в руки немцев, третьи – что Вам удалось уйти последним с моста. Но не было ни одного человека, в разговоре с которым не возникла бы эта тема – тема “коменданта моста”.

Что сказать о себе? Мне не пришлось воспользоваться мостом: я перебиралась через Аксай вплавь. Но благодаря Вам все наши раненые были спасены, точнее, переправлены.

Встреча с Вами на экранах телевизора и кино – всегда огромная радость (к сожалению, во время поездок в Москву попасть в Ваш театр очень трудно).

Но книга “Талант и мужество”, в которой я прочла о Вашем участии в Аксайской переправе, мне многое разъяснила. Радуюсь Вашему нынешнему триумфу, я теперь вижу источник той огромной глубины и того неиссякаемого, доброго и светлого юмора, которым окрашена каждая исполняемая Вами роль: не только в Вашем мастерстве, в виртуозности, для которых, кажется, нет ничего невозможного, но и в том тяжелом и славном жизненном опыте, имя которому – война. Отсюда эта веселая отвага, бесстрашие, заработанные всей жизнью. Впрочем, через этот эпизод проясняются и другие судьбы – Никулина, Папанова и многих, многих, первой школой для которых стала солдатская судьба.

“Немногие вернулись с поля”. Так вот от имени и этих немногих и многих не вернувшихся свидетельствую: лейте-

нант на Аксайском мосту забываем.

Я понимаю, как Вы заняты, и, конечно, не рассчитываю на Ваш ответ. Я даже не уверена, что Вы до сих пор работаете в Театре Вахтангова. Мне хотелось обратиться к Вам через газету, но считаю, что без Вашего разрешения этого делать нельзя. А очень хотелось бы, чтобы оставшиеся в живых узнали, кто им помог, и порадовались бы тому, что он вознагражден жизнью и счастьем творчества. Для многих Вы до сих пор погибший герой.

Так вот, я не вправе надеяться на Ваш ответ, но прошу хотя бы ответить двумя словами: “Письмо получил”.

С чувством вечной признательности и восхищения,
с фронтовым приветом,
Гурвич Дина Израилевна».

А вот еще одно письмо от боевого товарища, полученное уже после войны, в котором он вспоминает те самые бои под Аксаем.

13.07.1986 года, Харьков

«Дорогой Владимир Абрамович,

Пишет Вам Яловкин Борис Дмитриевич, доцент кафедры прикладной математики Харьковского авиационного института.

Дорогим я Вас назвал, потому что мне поистине дорог каждый воин нашей доблестной Красной армии, принимав-

ший участие в боях на Аксайской переправе в июне – июле 1942 года.

Много прошло лет, много за это время утекло воды, и много было знаменательных, эпохальных событий у нас на Родине и во всем мире, но события тех огненных дней, свидетелями и участниками которых нам с Вами довелось быть, никогда не сотрутся из нашей памяти. Сейчас, через 44 года, с позиции времени, аксайские бои приобретают особую значимость для нас с Вами.

Мы были молоды, отважны, дерзновенны (я не боюсь этих слов) и свою искреннюю, большую любовь к родной земле очень красноречиво доказывали с оружием в руках, борясь, не щадя себя, против коричневой чумы фашизма, покорившей временно Европу.

Дорогой Владимир Абрамович, я вчера приехал из Аксая... и с удовольствием пишу Вам это послание, ибо нет ничего более дорогого, чем фронтовое братство. И хотя мы с Вами лично в те годы не были знакомы, но мы рядом, бок о бок выполняли одну задачу. Вы – непосредственно на переправе, регулируя отход наших войск на левый берег Дона, а я – со своими батареями на высоком правом берегу Дона, ведя огонь по фашистским стервятникам, непрерывно бомбившим переправу и батарею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.